

Надёжа Леонов

Сказки перед Рождеством

Надёжа Леонов

Сказки перед Рождеством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63666878

SelfPub; 2021

Аннотация

В данном сборнике представлены рассказы, наполненные домашним уютом, волшебством, чудесной силой материнской любви и детской веры. Особенное внимание обращает на себя святочный рассказ "Упавшая лицом".

Содержание

СКАЗКА О СИЛЕ.	4
Поезд.	7
Тёплый дом.	11
Аве, Цезарь.	14
3 "Д": о достойном, девушке и драконе.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Надёжа Леонов

Сказки перед Рождеством

СКАЗКА О СИЛЕ.

Сова со свистом спустилась с сучка.

– Сегодня сеют для скота, – сказала она.

– Совершенно точно, – согласилась соседка снизу.

Сусликовая нора под сосной стала её совсем недавно. Сыч сам смотрел, как суслик со страхом спрятался в сизом смородиновом саду, скрываясь от Силы. Сыч сказал сплетню Со- ве. Слушали и синицы, а потом спотыкались друг о друга в свисте:

– Сожительница твоя Сила – самое странное существо!

– Страшное!

– Если свидеться с ней, то стоит сбежать!

– Смолкните, – смахнула перьями Сова и скрылась в сумраке.

#Сейчас Сова смотрела на Силу, пока она сметала сушёные листья в свою нору.

– Суслик страшился всего на свете, а ты сама страх се- лишь. Стараются сойти с тропинки, если слышат, что ты спе- шишь по ней. Но при этом ты не съела его. Наверное, ты странная, а не страшная.

– Спасибо! – только и сказала Сила и слизнула с себя соринки. Распушился её рыжий мех, глаза светились хитрым пламенем.

Сбежала Сила со склона, а у подножия леса селение. Спустилась к нему и соломенную крышу следить стала.

Люди покинули собственность, сеять для скота.

Сарай с соломой стоял сбоку от избы. Сила прокралась к нему мимо старой собаки.

Внутри на насестах сидели жирные курицы. Спугнула их Сила, своим носом длинным, хвостом рыжим. Сбежали суетливые, всем своим куриным семейством.

Старая собака Солдат сухо залаяла. Совсем близко оказалась с Силой, а Сила обхитрила и скрылась. Слышит Солдат как страшатся и кудахчут птицы, стучит горелая солома в старый нос.

Смотрит Солдат на сарай: сгорает.

Сбежались люди, тушить начали. Хвалят Солдата:

– А ты всё: "Стрелять, стрелять, старый стал". Спаситель Солдат, – сказала супруга своему сварливому.

Солдат сорвался с места, скрылся в сухостое. Сила спокойно стояла.

– Не стоит. Я сгодились тебе, сам скажи где.

– Счастливая лиса какая-то, – согласился Солдат, – кур не сцапала, меня спасла.

– Я Сила леса. Если бы огонь сегодня не остановился, сгорело бы село всё и лес схватился бы вокруг. Не сбежали бы

существа, не сохранились бы деревья.

Солдат смотрел на лапы черные как сажа, на хвост и мех рыжие, на глаза хитрые. Соврала ли?

Поезд.

Стук колёс поезда отбивал приятный ритм.

Мимо меня проносились пейзажи. Нагие ветки. Деревья в пёстром наряде. Голые ветки. Пламя пожаров листвы. Бесконечная картина, раздробленная на кадры, точно в диафильме.

Я задумался: сколько судеб сейчас объединил один транспорт. А сколько людей каталось по нашему маршруту до нас? И сколько будет? Я повернул голову на боковушку нашего уютного плацкартного вагона и посмотрел на верхнюю полку. На ней мирно храпел тощий мужчина лет сорока, его потрескавшиеся пятки выглядывали из одеяла. Завёрнутый в кокон, он выглядел как тонкий рулон обоев.

Я улыбнулся. Представил, как вчера на эту полку забиралась точно на Эверест грузная женщина. Она ругалась громко как грозовая туча на весь состав. А уже завтра там очутится непоседливый подросток. Свесив ноги вниз, он отбросит тень на лицо сварливой старушки. Она обязательно должна разгадывать кроссворды, напечатанные на серой прозрачной бумаге. Её губы подожмутся в терпеливом ожидании, ведь парень сверху благородно обменялся с ней местами.

Девушка рядом расстелила постель. Она легла и пристра-

ивалась на подушке. А затем накрылась с головой. Я буквально ощутил эту прохладу белой наволочки, как по-снежному хрустит простынь.

Мужчина напротив неё тоскливым взглядом смотрел в уходящие мгновения оконных видов. Он подпёр острый подбородок руками. Костяшки на них ярко очерченные выглядели словно чётки. Иссушенная кожа и морщины у глаз и на лбу выдавали в нём старика. Немошного старика. Вместо губ – тонкая линия. Впавшие щёки.

На столе остывал чай. Из запотевшего стакана, который охватывал никелированный подстаканник, валил пар как из трубы в деревенском домике.

От чего-то острое чувство жалости пронзило меня: я знал, скорее всего, это последняя поездка старика.

#И тут его серые глаза повернулись. Точно помутневший от кипятка стакан, его взгляд покрывался плёнкой тумана. Тлеющим огнём горели в них остатки жизни. И тут я понял: он смотрел на меня!

– Держи, – сказал он. Я очнулся. Старик протягивал мне на своей тающей ладони деньги.

Моё лицо горело. От стыда. Щёки и нос жгло так, будто мне выплеснули горячий чай в лицо.

– Держи, – голос хриплый, но настойчивый. И тонкая полоска рта нарочно выговаривает словно отчетливо.

Я услышал то, что не должен был слышать. Я же глухонемой. Ну то есть, не совсем. На самом деле я нормальный, но

для остальных в поезде притворяюсь. Это работа такая.

Деньги я взять не смог, хотя старик и положил их поверх моих журналов. Я схватил выпуски в охапку вместе с газетами и выбежал в следующий вагон через двери тамбура. Вышел на ближайшей остановке. И хоть я не смотрел на уходящий состав, мне точно казалось: пара слабых серых глаз с укором смотрят на меня. Позже в жизни бывало так, когда совесть снова впадала в спячку, пара этих глаз пристально следила за мной. Тогда я поступал единственно верно. И строгий взгляд исчезал.

Спустя пару лет я ехал тем же поездом, но уже не в качестве глухонемого мошенника. А в качестве пассажира. Я заплатил за билет честно заработанными деньгами.

Мои бывшие коллеги по цеху всё также прочёсывали вагон. И вот передо мной оказались газеты, сканворды и еженедельные гороскопы.

Я положил пару бумажных купюр и подыграл Петьке. Интересно, он помнит меня? Пальцем указал на нужный номер. Петя, не глядя на меня, достал выпуск и протянул его. И вот тогда он поднял на меня голову. Мы обменялись взглядами. Безмолвно, как и принято в нашем братстве. Пронесённая между нами вспышка разбудила Петю, точно луч от фонаря на станции среди ночи. Он также тихо ушёл, как и появился.#

А я отвернулся в окно и понял такую деталь: дед говорил со мной. Зачем? Если понимал, что я глухой? А если и понял

обман, то зачем платил? Я не знал ответа на вопрос: ведь я и сам только что поучаствовал в этом театре. Одно я знаю точно: что-то щёлкнуло во мне тогда. Будто кто-то переключил пути судьбы, и моя вагонетка едет по новым рельсам.

Стук колёс поезда отбивал приятный ритм.

Мимо меня проносились пейзажи. Нагие ветки. Деревья в пёстрых нарядах, которые скоро сбросят. Снова голые ветки. Пламя пожаров листвы. Бесконечная картина, которая составляла единую киноленту.

Тёплый дом.

Когда возвращаешься домой, запаха своей квартиры не ощущаешь. Если я хожу в гости, то знаю точно: у одних пахнет цитрусом и цветами, у других фаршированными перцами, а у третьих сладкие нотки ванили щекочут нос.

Сегодня я вернулся к себе домой. А мягкий приятный аромат ударил мне в голову.

«Дом», – такое короткое и лёгкое слово, а сколько крепости и любви в себе прячет.

– Серёжа, родной, – матушка кинулась на меня и горячо целовала в обе щеки. Младшая сестра со всех ног неслась ко мне и обняла где-то сбоку. Длиннорукая и с острыми коленками, в свои четырнадцать она вытянулась и стала похожа на тоненькую жердочку.

– Как добрался? Ставь сумку. Голодный? Садись, покормим тебя. Отец скоро с работы придёт, – поток бесконечных слов обрушивается на меня словно зерна в молотилке.

– Всё хорошо, – только успеваю сказать я, меня хватает Настя и тянет за руку.

Она проводит меня на кухню мимо моей комнаты. Точнее моей бывшей комнаты. Теперь плакаты рок-звёзд сняли со стен и заменили на девчачьи обои с рисунком. Мой стол передвинули, а офисный стул убрали.

Когда я учился в другом городе, то жил в общежитии при университете. На каникулах я говорил друзьям, что еду домой. И я приезжал домой.

А теперь я снимаю квартиру и вроде как называю её своим домом. Но в глубине души настоящим домом я считаю именно этот родной уголок: где я рос. Где знаю начало отопительного сезона и где мне известно точно сколько шагов от гостиной до ванной комнаты. Где в крошечной темноте я нащупаю выключатель.

Меня провели на кухню. Рот наполнился слюной: домашние котлеты, нежное пюре, от которого веял манящий пар. А в центре жаром манила пышная шарлотка. Ароматные яблоки смешались с корицей и звали меня накинуться и поглотить всё.

Отчего-то правда я сел за стол неуверенно. Всё время обеда я держался на краю стула, точно хотел вскочить с места. Упорхнуть.

Отец встретил меня по-мужски скупой: похлопал по плечу и коротко кивнул. Но я видел: морщинки вокруг его глаз углубились и проявились отчетливым отпечатком.

Постелила мне мама на диване для гостей. Я вернулся домой к себе или приехал в гости к родителям? Где теперь мой дом, может у меня и дома теперь нет?

Вечером после ужина я выскочил в магазин. Щемилась грустью у меня в груди болезненная рана – я по-прежнему ощущал себя чужестранцем среди родных стен. А может так

и есть? Точно в подтверждение моих нерадостных мыслей сумерки разродились проливным дождём. Я бежал по мокрому асфальту, а он сверкал и мерцал отражениями светофоров на перекрестке.

К моему приходу мама с Настей развесили на батарее мои домашние штаны и кофту, чтобы я, промокший до нитки по дороге домой, переоделся в тёплое.

Со стыдом я надел заранее подготовленные вещи. Мама открыла окно, когда дождь прекратился. Ветер подул сырым и свежим воздухом. Все запахи исчезли, остался только этот: землистый и холодный.

Мама налила чай: в мою кружку.

– Спасибо, – поблагодарил я. Её глаза сияли любовью. А я нагрелся теперь и изнутри.

Аве, Цезарь.

Пурпурная драпировка тоги переливалась, когда солнечные лучи играли с ней. Бахромчатые кисточки касались пола и прятали за собой свинцовые грузы, которые оттягивали ткань.

Жером наблюдал за благородной одеждой и думал, как не достоин человек, который натянул ее на себя.

Обрюзгший, с сальными волосами и влажным от жары лицом. Капли пота падали вниз и уродовали тогу. Более темные пятна расплывались и превращались в огромные озера. Даже велариум не спасал от палящего солнца.

«Как корове фартук», – пронеслось в голове Жана Жерома. Он обратил внимание, как растеклось тело Авла Виттеля на кресле: слои кожных складок накладывались друг на друга, но не так привлекательно, как на тоге. Похоже, когда двуликий Янус замешивал глину для Виттеля, он забыл слепить ему шею. Круглую голову вlepили сразу на плечи.

Императорское ложе держало Авла, и, казалось должно вот-вот упасть. Жером улыбнулся, когда представил, что

арена рухнет из-за ожиревшего правителя. Чтобы избежать неприятный вид Авла, Жером отвел взгляд и направил его в центр амфитеатра.

Зной душил. Смуглое тело раба жадно хватало последние вдохи.

– Сейчас его оттащат крюками, – сказал сосед сбоку. Жером повернулся в сторону. Оливковая кожа, нос с горбинкой – все выдавало в нем римлянина. Римлянин говорил вслух, но не обращался напрямую к Жером.

– Что они делают? – Спросил сосед сам себя.

Жером вернул внимание к ядру Колизея.

Победитель вытянул мускулистую руку в приветствии. Салютовал он самому императору. И хоть со своего места Жан Жером и не видел, но точно представил, как наглый взгляд гладиатора попал на маленькие пороссячи глаза Авла. Жером оглядел песок на арене: кровь расплескалась по ней как вода из ведра. Дорожка алого ручейка вела к проигравшему ретиарию.#

Измощенный боец пал. Но жизнь упорно не покидала его. От того труднее прошли последние минуты война: глаза

его как тлеющая лучина, то затухали, то вновь разгорались огнем. Наконец пламя погасло. Навсегда.

– Он умер, – произнес Жан Жером. Римлянин рядом откликнулся:

– Не ему решать это, а нам, – и выставил вперед палец.

Его пример подхватили остальные. Римлянин кинул подозрение в сторону Жерома, который сложил руки перед собой. Не в силах наблюдать за бессмысленным, Жан Жером поднялся с места и намеревался уйти. Как вдруг из-под его одежд вылетела кисть. Жерому показалось, что стук о мрамор затмил крики толпы. Во взгляде незнакомца читался вопрос, который, впрочем, скоро сорвался с уст римлянина:

– Художник?

– Путешественник, – поправил Жан Жером и не совсем соврал. Он схватил инструмент прежде, чем римлянин успел сказать что-то еще, и быстро исчез.

Жером ушел за амфитеатр, и снова достал кисточку. Он огляделся, потому что слышал шаги охраны. Точно волшебник Мерлин с магической палочкой, Жером замахнулся кистью. Заранее утопил щетину в баночку с подготовленными

чернилами. Он спрятал ее в мешке с золотом и повесил на поясе.

Жан Жером снова осмотрелся по сторонам: лишние свидетели ни к чему. Не очень, если какой-то любопытный зевака увяжется за ним в созданный проём и... окажется в Париже.

Пока Жером рисовал дверь в полный рост, он думал. Но не об увиденном бое и даже не о душной жаре, хотя следовало: лоб тек ручьем. Жан вспоминал о двуликом Янусе. Демиург был божеством дверей. Так может это он подкинул необычную кисть – ключ от всех проходов?

#

Жан Жером прошел в нарисованную дверь и очутился у себя в мастерской. Кисточку далеко не прятал: она скоро понадобится. В голове художника родилась идея: написать картину с увиденной сценой, чтобы потом иметь возможность вернуться туда и, кто знает, может спасти бедняг.#

Жером всегда любил путешествовать, с детства интерес заставлял мечтать, что хранится там, в другом мире, за пределами родной Франции. Купив на ярмарке совсем неприметную художественную кисть, Жером обнаружил, что созданные с ее помощью картины обладают необычной силой – позволяют переместиться мастеру в изображенное им.

Затем Жан стал рисовать двери – с их помощью он мог очутиться и во дворце китайского императора, и в русской избе. В начале путешествия он всегда рисовал разные двери. А вот возвращаясь обратно – только свою дверь. Дверь, ведущую в Мастерскую.

В 1859 году Жан-Леон Жером написал одну из своих самых лучших работ «Славься Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя»

3 "Д": о достойном, девушке и драконе.

Доспехи светились так, что Симон зажмурился. Перед ним находился рыцарь, самый настоящий. Симон обратил внимание на искусно изготовленный меч. На рукояти – львиная голова, символ дома, которому принадлежит рыцарь Наркисс.

– О, сир Наркисс, позволь мне быть твоим оруженосцем! – просил Симон.

Но Наркисс даже не взглянул на него.

– Нет оруженосцев, которые могут носить мой меч, снять мои доспехи и касаться их. – Рыцарь повернулся на Симона. – Тем более ты – оборванец. Зачем ты пришел?

Симон расстроился, но не отступил.

– Возьми с собой в походы и на brave дела. Я буду верным помощником!#

Наркисс поднял забрало, а потом и вовсе снял головной убор. Симон увидел брезгливую улыбку. Рыцарь же перевел взгляд на свое отражение в шлеме: теперь радость растеклась по его губам.

– Не появилось пока дел, достойных меня, – он вскинул пшеничными кудрями.

– Принцессу держит в заточении дракон! Что может быть достойнее, чем спасти ее? – голос Симона уже надрывался, на этот раз от злости.

– А красива ли та принцесса? Вдруг нет? А богат ли ее отец, чтобы одарить меня монетами? В конце концов, тогда опасно рисковать.

Симон решил сам вызволить принцессу. Меча у него не было, кроме тренировочного. Поэтому ему пришлось украсть у Наркисса меч с львиной рукоятью. Все равно, он ему нескоро понадобится, – решил Симон. Так и поступил. Затем пошел прямо в Логово Остроклыка – так звали дракона. Он пришел, обнажил меч и... увидел, как дракон пьет чай с принцессой. Увидел, да так обомлел, что застыл на месте.

Дракон равнодушно посмотрел на Симона и спросил принцессу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.